

На правах рукописи

Хомзе Алексей Владимирович

**Идея когерентности культуры и
познавательных стратегий
(по работам Р. Рорти)**

09.00.13 – религиоведение, философская антропология,
философия культуры

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Ростов-на-Дону
2007

Работа выполнена в отделе гуманитарных и социальных наук федерального государственного научного учреждения «Северо-Кавказский научный центр высшей школы»

Научный руководитель: доктор философских наук,
профессор **Матяш Тамара Петровна**

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Подопригора Станислав Яковлевич;

кандидат философских наук, доцент
Коляда Наталья Александровна

**Ведущая организация: Южно-Российский государственный
университет экономики и сервиса**

Защита состоится 28 марта 2007 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 212.208.13 по философским наукам в Южном федеральном университете по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 140, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в зональной научной библиотеке Южного федерального университета по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 148.

Автореферат разослан «__» _____ 2007г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.М. Шульман

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Актуальность исследования. Глобальные перемены в культуре современного человечества сопровождаются столь же значительным переосмыслением культурфилософских представлений. Философы и культурологи пришли к необходимости учитывать взаимосвязь культуры и специфики познавательной деятельности, что сопровождается распространением неклассических, а в дальнейшем и постнеклассических идей социокультурной обусловленности познания и рассмотрением его в контексте языка. Представления о культуре оказываются напрямую связанными с картиной мира, которая отождествляется с процессом его культурно-языкового истолкования. В центре исследовательских интересов оказывается изучение динамики культурного становления и коммуникативного процесса, что обуславливает появление новых типов понимания познания и культуры.

Идея языковой обусловленности познания и культуры стала одним из главных современных теоретических оснований для пересмотра традиционных представлений о формах их взаимодействия. Практически все имеющиеся точки зрения сходятся в том, что между культурой и познанием должно иметь место некое соответствие, согласованность, что позволяет говорить об их когерентности, несмотря на то, что ее смысл предстает по-разному с позиции различных познавательных стратегий.

В настоящее время критика классических представлений о форме соотношения познания и культуры наиболее радикально представлена в философском постмодернизме. Постмодернистская стратегия исходит из того, что, поскольку познание - производное культуры, необходимо освободить культуру от диктата разума, от влияния традиционных рационалистических ценностей. Представлению же о нерегулируемости и непредсказуемости развития познания должно соответствовать представление о нерегулируемости культурных изменений. Согласованность культуры и познания выступает здесь как результат хаотического процесса самоорганизации культурного становления.

Постмодернистский переход от экспликации изменчивого ха-

рактера рациональности к представлениям об отсутствии ее объективных оснований элиминирует установку на поиск новых форм рациональности и способов ее соотнесения с культурой. Усматривающий в антитрадиционных аргументах санкцию на свое существование постмодернизм не только констатирует процессы децентрации и деонтологизации культуры, но и пытается их легитимировать. Кризис культуры оценивается аксиологически нейтрально как динамический хаос и бесцельный бесконечный транзит.

Наиболее явно процесс перехода от неклассической критики традиционной модели культуры к постмодернистскому утверждению о неконструктивности поиска форм рационального влияния на культуру представлен в работах американского мыслителя, профессора Вирджинского университета Ричарда Рорти.

Исследование творчества Р. Рорти актуально, т.к. оно сопричастно метаморфозам развития современной мысли и служит демонстрацией трансформации традиционной философии, в ее классической, неклассической и постнеклассической формах, в форму философствования о культуре. В его текстах в наиболее обобщенном виде отражена распространенная сегодня языковая парадигма теории культуры и представлен широчайший материал для анализа теоретических положений о корреляции познания и культуры.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена прежде всего тем, что выводы об отсутствии прагматической необходимости рационального влияния познавательных институтов на культуру представляются не вполне корректными и таящими опасности в ситуации глобального кризиса цивилизации.

Научная значимость изучения представлений о когерентности культуры и познавательных стратегий определяется необходимостью анализа теоретических подходов к осмыслению программирующей роли культуры в развитии общества. Философия культуры в поисках путей выхода из глобального кризиса должна открывать новые перспективы для выработки стратегий самосохранения современного человечества.

Научная разработанность темы. Рассмотрение различных сторон взаимосвязи культуры и познания имплицировано в философской традиции, от Платона и Аристотеля, вплоть до становления

классической новоевропейской эпистемологии. Свое эксплицитное выражение соотношение культурной и познавательной проблематики получает, начиная с Канта. Традиционное соотношение культуры и познания находит свое выражение в философии классического типа рациональности, связанной с сциентистской установкой на субстанциальность мышления и его связь с языком. (И. Кант и неокантианцы, В. Виндельбанд, Г. Зиммель, Э. Кассирер, Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс, В. Дильтей, Э. Гуссерль и др.). К ним примыкают направления языкового понимания познания и культуры, заменившие традиционную проблематику связи мышление - реальность на проблематику языковых связей: структурализм и аналитическая философия (Ф. де Соссюр, Р. Барт, Ю.М. Лотман, Л. Витгенштейн, Д. Деннет, Д. Девидсон, Р. Карнап, У.В.О. Куайн, Х. Патнэм, Г. Райл, Б. Рассел, У. Селларс, Дж. Р. Серль, П. Фейерабенд, Н. Решер, Г. Фреге и др.). Антисциентистская экспликация связи культуры и языка впервые наиболее полно выражена в философии Ф. Ницше, творчество которого стало основанием таких неклассических направлений, как экзистенциализм и герменевтика, по-новому рассмотревших соотношение культуры и познания, в виду понимания процессуальности языка в его связи с историческим развитием общества. (М. Хайдеггер, Ж.П. Сартр, Г.Г. Гадамер, А. Камю, П. Рикер и др.).

Эти философские идеи явились основой для концепций, видящих субстанциальную основу языка в речевом общении и рассматривающих культуру и познание в аспекте коммуникации. (Д. Дьюи, поздний Л. Витгенштейн, Ю. Хабермас, М. Бахтин и Р. Рорти и др.).

Постмодернизм переходит от рассмотрения обусловленности культуры диалогическими коммуникативными процессами к отождествлению культуры и способов говорения (словарей) (Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Делез, Ф. Лиотар, Р. Рорти и др.).

Тексты Рорти представляют собой средоточие философской полемики по проблеме взаимоотношения культуры и познавательных стратегий. В анализе связей познания и культуры Рорти, с одной стороны, опирается на классическую рациональность аналитической философии, используя ее методы и приемы. С другой – цели

своей философии заимствует сначала из неклассической познавательной стратегии (экзистенциалистско-герменевтической традиции), а затем и из постнеклассической (постмодернистской) и у американских прагматистов. Труды участников полемики, а также комментаторов его философии, частично использованы в тексте диссертации. Этот список открывает Витгенштейн, философию которого Рорти считает ядром своей позиции, и продолжают Р.Д. Бернстайн, Ж.-К. Вольф, Г.Х. Вригт, Е.Г. Гадамер, Ж. Делез, Д. Деннет, Ж. Деррида, У. Джеймс, И. Джохадзе, Дж. Дьюи, Д. Дэвидсон, Р. Карнап, У.В.О. Куайн, Т. Кун, И. Лакатос, Ж.-Ф. Лиотар, Х. Патнем, Ч.С. Пирс, Г. Райл, Б. Рассел, Н. Решер, М. Рыклин, Ж.П. Сартр, У. Селларс, Дж. Р. Серль, П. Фейерабенд, Г. Фреге, С. Хаак, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, Р. Хестанов, Я. Хинтика, М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др.

Необходимо отметить исследователей, чьи комментаторские работы оказали диссертанту помощь при рассмотрении концептуальных основ изменения познавательных стратегий Рорти (А.Ф. Грязнов, М.С. Козлова, Г.С. Кнабе, С.А. Крипке, Т.П. Матяш, Е.Д. Смирнова, З.А. Сокулер, В.А. Успенский, Р. Халлер, Н.С. Юлина и др.).

В диссертационном исследовании используются также труды, посвященные анализу методологических принципов неклассической и постнеклассической рациональности, в частности, постпозитивистские концепции теоретической нагруженности познания со стороны языка и культуры, а также учения эволюционизма и синергетики. (Н. Бор, Г. Гейзенберг, И.П. Гетманов, К. Глой, Т. Кун, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, И. Лакатос, В.А. Лекторский, Н.Н. Моисеев, И. Пригожин, И. Стенгерс, Е.Я. Режабек, В.С. Степин, П. Фейерабенд, Г. Хакен, А. Эйнштейн и др.).

Различные способы видения культуры, задающие концептуальную сетку для анализа ее феноменов, представленные в работах Н.А. Бердяева, П.С. Гуревича, В.Е. Давидовича, Г.В. Драча, Ю.А. Жданова, Е.В. Золотухиной-Аболиной, М.С. Кагана, Л.Н. Когана, П. Козловски, Б. Малиновского, Э.С. Маркаряна, Т.П. Матяш, В.М. Межуева, Х. Ортеги-и-Гассета, М.К. Петрова, Ю.В. Степанова, А. Тойнби, О. Шпенглера и др., послужили методологической и акси-

ологической основой диссертационного исследования.

Концепция культуры Рорти является примером ее лингвистического понимания, что помещает ее в контекст работ о связи языка и культуры (М.М. Бахтин, В.С. Библер, В.Гумбольдт, Э. Кассирер, А.Ф. Лосев, М.Ю. Лотман, М.К. Петров, Э. Сепир, Ю.С. Степанов, Б. Уорф и др.).

Несмотря на обширность и разнонаправленность исследований, затрагивающих проблематику взаимодействия культуры и познания, не существует специальной монографии, посвященной рассмотрению конкретных теоретических форм представлений о когерентности культуры и познавательных стратегий в контексте философии Р.Рорти, что дает возможность диссертанту заявить тему научной работы.

Объектом исследования является культура и познание в их взаимоотношенности.

Предметом исследования является культура в логико-методологическом и эпистемологическом контекстах.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационной работы – анализ теоретических форм представлений о когерентности культуры и познавательных стратегий (на основе реконструкции культурфилософии Р. Рорти). Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Рассмотреть принципы номиналистического подхода к толкованию взаимосвязи культуры и познания.

2. Проанализировать критику классической модели соотношения культуры и познания в контексте проблемы обоснования теории познания.

3. Выявить основания неклассических представлений о познании как функции процесса intersubjectивной интерпретационной деятельности в рамках культуры. Определить сущность неклассического понимания языка в его связи с коммуникативной динамикой.

4. Эксплицировать механизм перехода к постмодернистской метафизике новизны и панвербальному общекультурному принципу.

5. Показать влияние неклассического понимания взаимосвязи культуры и познания на постмодернистские представления и вы-

явить их отличие от неклассической рациональности.

6. Определить сущность когерентности познавательной и культурной деятельности как феноменов лингвистической актуализации, в контексте методологической парадигмы философии культуры в постнеклассическом типе рациональности .

Исследовательская гипотеза. Идея когерентности культуры и познавательных стратегий может служить а) методологическим базисом для изучения смены типов рациональности, б) инструментом изучения сущности культурных трансформаций, в) быть использована для исследования различных методологических подходов к проблеме взаимовлияния культуры и познания, для анализа моделей, способных стать эвристической базой в деле преодоления системного кризиса современной цивилизации.

Теоретические и методологические основы исследования определяются установкой на рационалистические идеалы и нормы научной деятельности, в том числе применительно к антисциентистскому и постмодернистскому дискурсам. В диссертации были использованы методы герменевтического, семиотического и рефлексивно-критического анализа, а также историко-философской реконструкции, принципы диалектики и историзма, универсального эволюционизма, теоретические положения синергетики.

Важнейшей теоретической и мировоззренческой, ценностной основой диссертации являются традиции и идеалы, выработанные в отечественной научной мысли, в особенности учеными ростовской школы философии и культурологии.

Формулировка идеи когерентности культуры и познавательных стратегий явилась итогом проведенной в диссертации реконструкции культурфилософии Р. Рорти и анализа теоретико-методологических истоков и предпосылок его позиции. Философия Рорти, самоидентификация которой декларируется как аутентичный вариант развития принципов позднего Витгенштейна, является динамической системой, своими смысловыми связями включенной в полемическую систему мировой философии и инкорпорирующую в себя различные направления философской мысли. Поэтому эта философия не является по сути изолированной теорией и для диссертационной работы представляет собой не столько предмет, сколько

материал исследования. В виду этого изучение философии Рорти не носит характера историко-философского анализа.

В диссертационной работе развернуты логико-методологические аргументы против постмодернистского стремления рассматривать неклассическую критику традиции в качестве основания своей позиции. При том, что главной эмпирической базой исследования являются тексты Р. Рорти, критические аргументы против постмодернистских подходов во многом опираются на его собственные положения предшествующего (неклассического) периода творчества, сформулированные в работе «Философия и зеркало природы». Таким образом, аналитический инструментарий частично заимствуется у самого Рорти, а цели и направленность исследования согласуются с позициями таких его критиков, как, например, Ю. Хабермас, который согласившись с большей частью критических замечаний в адрес традиции, не отказался от защиты рационалистических ценностей с учетом коммуникативной культурно-языковой констелляции познания.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Выявлены номиналистические основания деонтологизации представлений о познании и культуре и замены парадигматики «мышление – реальность» и «язык – реальность» на парадигму «язык – язык», имеющую следствием отождествление культуры с совокупностью притязаний на знание.

2. Эxpлицитована сущность инверсии к субъективности как основание перехода к постмодернистскому панвербализму и субъективистской метафизике новизны.

3. Доказана теоретическая несостоятельность постмодернистских попыток использовать неклассическую критику традиции в качестве логико-обосновательной базы для негации рационалистических ценностей.

4. Проведена критика и деконструкция постмодернистского перехода от неклассического тезиса о невозможности дать независимое от языковой интерпретации описание объекта к тезису о несуществовании независимых от интерпретации объектов, в том числе, применительно к существованию онтологических основа-

ний познания и культуры.

5. Сформулирована постнеклассическая методологическая парадигма философии культуры как метауровня познания, основанная на когерентности познавательной и культурной деятельности как феноменов процесса лингвистической актуализации совокупности интерпретационных практик человечества.

Положения, выносимые на защиту:

1. Номинализм Рорти связан с витгенштейнианским представлением о мышлении как способности пользоваться словом и рассматривает познание как деятельность, не могущую получить эмпирических или онтологических обоснований, т. к. они конституируются лишь внутри языкового контекста в процессе коммуникации. Рациональность и эпистемический авторитет объясняются ссылкой на то, что говорит общество, а не наоборот. Данная позиция, определяемая Рорти как эпистемологический бихевиоризм, основана на тезисе о том, что обоснования познания есть отношения между суждениями, а не результат специальных отношениями между идеями (или словами) и объектом.

2. Неклассическое понимание познания и культуры обусловлено отказом от субстанциональности мышления и представлений о языке как посреднике репрезентации. В поздневитгенштейновской традиции мышление индивида рассматривается как продукт интериоризации социокультурной коммуникации, фиксирующейся в языковых формах и являющейся источником обоснования истинности высказываний. Интерсубъективное взаимодействие определяет возникновение языковых форм и правил их использования, изменение которых определяет собой процессы изменения мышления и является основой познавательного и культурного развития. Однако, в отличие от Рорти, Витгенштейн указывает, что представление о мышлении и познании как функциях языкового взаимодействия в рамках культуры есть лишь феноменалистский методологический инструмент, который не является номинализмом. Витгенштейн отказывается выносить решения по поводу статуса внеязыковых реалий и гипостазировать отсутствие оснований познания за пределами языкового становления.

3. Истина в постмодернистской стратегии Рорти оказывается

уже продуктом не коммуникативной практики, а субъективного метафорического творчества. Итогом инверсии к субъективности является метафизика новизны, которая в ущерб традиции гипостазировать ценность нового и отсутствие оснований. Она выражается в стратегии панвербализма, отождествляющего процесс развития культуры с творением новых слов и текстов. Из невозможности обосновать познавательные практики и найти абсолютный критерий верификации истинностных высказываний Рорти делает вывод о том, что культура не должна содержать в своем словаре понятия истины, объективности и т.д. Однако постмодернистская попытка утверждать, что «истина не открывается, а творится», противоречит неклассической установке и является продолжением классического разделения репрезентации и интерпретации в ситуации отсутствия оснований для его применения.

4. Неклассическая критика попыток построения культуры на основе познавательных достижений лишь указывает, что новейшие теории, словари могут не быть последней и единственно возможной репрезентацией реальности, но являются одним из многих потенциально возможных способов описания мира. Совокупность языков, познавательных и культурных практик человечества, - только одна из форм актуализации потенциально бесконечных возможностей описания реальности и деятельности в ней. Если неклассический этап творчества Рорти характеризуется акцентированием потенциальной нетождественности описания и реальности, то в своей постмодернистской стратегии он отождествляет описание и реальность. Фактически он переходит от тезиса, что реальность всегда дана нам лишь при определенном описании, к утверждению, что вне описания ничего нет, «все есть текст». Данная панвербалистская стратегия рассматривает познание как функцию процесса хаотического знакового взаимодействия, что угрожает ценностям и познания, и культуры.

5. Постмодернистская позиция, согласно которой основания познания не просто признаются неэксплицируемыми, но гипостазированы в качестве отсутствующих, столь же неверифицируема, как и классическое гипостазирование этих оснований. Поэтому вся критика Рорти в адрес традиции применима и к его собственным

постмодернистским попыткам «закрыть философский разговор». Они есть продолжение все того же философского, но теперь уже деградировавшего, по- сути антифилософского фундаментализма. Если, как это утверждает Рорти, нет оснований проецировать познавательные теории на культурную практику, то тем более нет оснований проецировать на культуру теории, говорящие об отсутствии оснований. Представления о необоснованности не могут выступать в качестве ценностей, предлагаемых культуре, и не должны функционировать как некая теоретическая идеология, позволяющая дедуцировать выводы и экстраполировать их на культуру.

6. Для постнеклассической рациональности познание, и рождаемая им онтология, предстает в культурно-языковой обусловленности, что не тождественно утверждению об отсутствии оснований. Изучая универсалии культуры, философия может претендовать на научность, замещая проблематику обоснования онтологических и познавательных взглядов рефлексией над «пределными смыслами» культуры. Тем самым философия культуры обретает статус метауровня познавательной рефлексии, становится «первой философией». Императивом постнеклассической рациональности должна стать идея когерентного развития познания и культуры, влияния рационального познания на культуру с целью обеспечения условий сохранения человечества.

Научно-практическая значимость исследования заключается в раскрытии современных теоретических представлений о формах когерентности познавательных стратегий и культуры, их логико-методологических оснований и оценке последствий их экстраполяции на культурную практику.

Критика абсолютизации представлений о культурной релятивности познания и намеченные контуры парадигмы взаимообусловленной когерентности культуры и познания могут стать основой для исследований, направленных на возможность усиления роли и влияния на культуру познавательных институтов, в том числе философии.

Материалы работы могут быть использованы в исследованиях, посвященных связи теории познания и философии культуры, в теоретических разработках проблем философии языка и метафилосо-

фии, в преподавании курсов философии, антропологии, философии науки, культурологии.

Апробация исследования. Основные результаты диссертационной работы изложены в тезисах Третьего Российского Философского Конгресса «Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия», и в пяти научных статьях общим объемом 2,08 п.л.

Диссертация обсуждена на заседании отдела социально-гуманитарных наук Северо-Кавказского научного центра высшей школы 25 мая 2006г. и рекомендована к защите.

Структура диссертации определяется последовательностью решения основных задач и состоит из введения, трех глав, включающих 8 параграфов, заключения и списка использованной литературы из 186 наименований. Общий объем диссертации 140 стр.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, освещается степень ее научной разработанности, излагаются цель и задачи исследования. отмечаются элементы научной новизны, формулируются положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и методологическая основа исследования, указывается его теоретическая и практическая значимость, апробация результатов диссертационного исследования.

Первая глава

«Критика классической парадигмы соотношения познания и культуры» включает два параграфа и посвящена рассмотрению традиционной модели культуры и разрыванию оснований для ее критики. Исследуются классические представления о культуре и познании в историко-философской ретроспективе и в современном контексте.

В первом параграфе «Культура и познание в контексте современного номинализма» анализируются онтологические и теоретико-познавательные основоположения, продолжаемой Рорти традиции позднего Витгенштейна, служащие основанием для критики традиционных представлений о культуре. Эмплицуруется номиналистическая позиция Рорти неклассического периода, выраженная

в работе «Философия и зеркало природы». Данная позиция направлена против традиционных концепций культуры как нуждающейся в основаниях и против претензии теории познания на выполнение этой роли.

Представленная в философии Рорти деструкция классической парадигмы взаимодействия познания и культуры опирается на выраженную в неклассической философии, особенно Витгенштейном и Хайдеггером, критику традиции Декарта - Канта. Эта критика связана с сомнением по поводу различения двух онтологических субстанциальных видов – ментального и физического. Рорти возражает против картезианского дуализма, отказываясь от представления о существовании непротяженной субстанции, ментальных сущностей и универсалий.

В параграфе отмечается, что в современном интеллектуальном контексте смена теоретических форм представлений о характере взаимоотношения познания и культуры связана со сменой типов познавательных стратегий. В целом неклассическая рациональность переворачивает традиционную парадигму когерентности культуры и познания и исходит из представления о познании как производном культуры.

В противоположность Декарту, Канту и их последователям в продолжающей классические традиции аналитической философии Рорти отрицает, что эпистемическое различие должно соответствовать онтологическому. Тем самым ставится под сомнение корректность заключения от высказывания к онтологии, от сознания к бытию. Автор подчеркивает, что поскольку подобная позиция тоже есть лишь эпистемический акт отражения, постольку из нее также невозможно извлечь онтологических следствий, в полном соответствии со словами Витгенштейна: «Философия оставляет все как есть».

Во втором параграфе «Классическая эпистемология и проблема обоснования познания и культуры» рассматриваются вопросы о том, каким образом в истории философии познание и культура стали рассматриваться как требующие строгого и научного обоснования, а также, достижимо ли оно.

По мнению Рорти, классическая эпистемология выдает каузаль-

ное объяснение того, каким путем мы приходим к познанию чего-либо, за обоснование познаваемого.

С точки зрения критиков традиции, классическая модель нежизнеспособна, т. к. получить последнее обоснование не представляется возможным по причине метаиндукции, уводящей его поиски в бесконечность, а любое наличное обоснование является круговым, оборачиваясь парадоксом.

Требования рациональной верификации и обоснования привели к тому, что эпистемология не смогла соответствовать собственным стандартам, познание перестало рассматриваться как то, что может быть самообоснованно с помощью теории «привилегированного класса репрезентаций», в точности которых сомневаться невозможно. Поэтому Рорти выступает против кантианского представления о существовании неизменных структур, изучаемых эпистемологией, в рамках которых происходят познавательные и культурные изменения. И делает вывод: поскольку теория познания не может быть обоснованием самого познания, то она не может рассматриваться и как основание культуры.

В параграфе автор анализирует вопрос о последнем обосновании в современной постнеклассической эпистемологии, которая в лице синергетики также не решает этот вопрос, т.к. он упирается в парадокс, суть которого в том, что не известно, лежит в основе мира порядок или хаос. Поэтому особо отмечается, что современная эпистемология ведет речь лишь о невозможности верификационной экспликации онтологических оснований познания, но отнюдь не о доказательстве их отсутствия.

Поскольку проблема остается открытой, представления о том, что философия стоит на твердых основаниях науки и культура может мыслиться как продолжение открытых ею оснований разума, подвергаются критике.

В параграфе также разворачивается критика интерпретации Рорти истории философии и платоновского учения. Автор отмечает, что поскольку Рорти исходит из невозможности обоснования сказанного (следует заметить, что и представлений о необоснованности), его интерпретации не опираются на какие-либо позитивные критерии, а носят характер чисто отрицательного дискурса.

Глава вторая

«Культура и неклассические представления о познании как функции языковой интерпретационной деятельности» включает два параграфа и посвящена описанию неклассической парадигмы когерентности познания и культуры и анализу ее оснований в лице интерпретативно-языковых подходов к изучению мышления и познавательной деятельности.

Параграф 2.1. «Герменевтическое представление о познании и диалогическое понимание культуры» посвящен развиваемой Рорти гадамеровской традиции «радикальной герменевтики» (выражение Ю. Хабермаса) и ее соотношению с эпистемологией. Различие между эпистемологией и герменевтикой определяется Рорти как противопоставление «нормального» и «анормального» дискурсов (обобщение понятия нормальной науки Т.Куна).

Автор замечает, что из концепции Рорти скорее следует не отрицание эпистемологии с позиции герменевтики (каковое отчетливо реализовалось в постмодернистской стратегии), а представление о том, что их соотношение подчиняется принципу дополнительности. Герменевтика при этом не противостоит эпистемологии и данное разделение не может рассматриваться как фиксированное. Речь идет о другом пути совладания с материалом или другом виде познавательной активности (говоря словами Бахтина).

Следствием того, что герменевтика мыслится в качестве модели для объяснения процесса развития познания, неклассические представления о культуре должны соответствовать герменевтическим принципам. Культура предстает тогда плюральным, диалогическим, бесконечно развивающимся процессом истолкования смыслов. Тем самым, культура понимается как языковая интерпретационная деятельность, а культурное развитие отождествляется с нескончаемой герменевтической практикой углубления понимания мира как текста. Герменевтическое понимание познания и культуры изменяет представление о функции философии в культуре. Роль высшей юридической инстанции сменяется ролью посредника в диалоге между различными частями культуры и различными дискурсами.

Параграф 2.2. «Концепция intersubъективной языковой деятельности и ее влияние на понимание культуры». В данном па-

параграфе рассматриваются теоретические основания неклассического понимания когерентности культуры и познавательных стратегий. В параграфе предпринята попытка ответить на вопрос, почему интерпретационная лингвистическая деятельность стала рассматриваться как сущность культурного процесса. В историко-философской ретроспективе это связано с пониманием языковой природы человеческого мышления. Кантианские доктрины рассматривают культуру как проекцию ментальной природы субъекта. «Языковой поворот» в философии XX века перевернул эту парадигму. Теперь язык и культура представляются не просто суммативным творением отдельных субъектов. Изначальное происхождение человеческого мышления стали рассматривать в неразрывной связи с общественной языковой практикой. Таким образом человеческое мышление превратилось в проекцию языка и культуры.

Основное внимание в параграфе уделено философии Витгенштейна. Анализируется его концепция мышления как продукта интерсубъективной языковой деятельности и ее влияние на языковое понимание сущности познавательного и культурного процессов.

Репрезентативная функция языка рассматривается Витгенштейном в качестве одной из форм его инструментального использования, к которой невозможно редуцировать его бытие. Сам язык понимается как продукт коммуникативного взаимодействия в рамках культуры.

Философы, видящие язык основанием сознания (Витгенштейн, Рорти и др.), подчеркивают различие между осознанием как различающим поведением и осознанием как бытием в смысловом пространстве языка, способным к обоснованию высказываний. По их мнению, только последний вид сознания имеет смысл называть собственно человеческим, поскольку только его можно проинтерпретировать как обладание знанием, а не просто как способность к реакции на стимулы. Способность человеческого ума к различению представляет собой причинное условие для знания, но не его основание. Основание всегда является лингвистическим, и является выводением одних суждений из других, а не вопросом связи между субъектом и объектом.

Общественная коммуникация оказывается, таким образом, ис-

точником эпистемического авторитета. Отказ от поисков оснований за пределами языкового взаимодействия имеет следствием отказ от поисков внекультурных, внеязыковых оснований этических, эстетических, политических и иных традиционных ценностей культуры. Сама рациональность как главная ценность культуры и поиск объективности в науке рассматриваются как результат исторического становления форм языковой деятельности.

Тем самым когерентность культуры и познания определяется не наличием высшей по отношению к ним инстанции, задающей правила рациональности, а тем, что они развиваются как две составляющие процесса языкового становления.

Глава третья

«Постнеклассические познавательные стратегии и культура как процесс лингвистической актуализации» включает четыре параграфа. Речь в ней идет о современных представлениях о когерентности культуры и познания, содержится критический анализ постмодернистских подходов к культуре и роли философии в ней, моделируется динамика познавательного и культурного процессов, рассматриваются перспективы их взаимодействия и роль рациональности в культуре.

Параграф 3.1. «Субъективный (метафорический) и intersубъективный (буквальный) дискурсы в культуротворческом процессе». В параграфе эксплицируются современные представления о языке и динамике лингвистического становления в ее диалектическом единстве устойчивости и изменчивости. Анализируются представления о языке и культуре Рорти, опирающиеся на поздневитгенштейнианскую традицию, развиваемую в языковой концепции Дэвидсона. Реконструкция языковой концепции культуры Рорти позволяет сформулировать базовую модель, которая в дальнейшем становится для него основанием постмодернистского философствования. Язык в своем культурном бытии функционирует как динамическая система взаимодействия индивидуального (субъективного) и общественного (intersубъективного) элементов, являющихся двумя сторонами диалектического процесса его становления.

История языка понимается Рорти как процесс возникновения метафор, которые могут перейти в разряд стертых, (получить буквальное значение), а затем стать основой для возникновения новых метафор.

Автор считает, что подобную модель можно экстраполировать на культуру следующим образом. Интерсубъективность выражает момент устойчивости, традиции и может рассматриваться как код культурной трансляции, ее генотип, функционирующий в сфере влияния общества на индивида с помощью устоявшихся языковых форм – буквального способа использования языка. Субъективное творчество можно проинтерпретировать как мутационный фактор культуры. Диалектическое взаимодействие субъективного и интерсубъективного элементов языковой системы имеет своей субстанциальной основой лингвистическую деятельность, выражающуюся в применении людьми буквального и метафорического способов говорения. При этом две составляющие этого процесса определяют баланс устойчивости и изменчивости культуры. Автор указывает, что они не могут существовать один без другого или быть редуцированы к одному из них.

Параграф 3.2. «Постмодернистская метафизика новизны и панвербальный общекультурный принцип». В параграфе рассматривается постмодернистское понимание культуры, сформулированное в поздней работе Рорти «Случайность, ирония и солидарность». Оно характеризуется опорой на философию Ницше и призывами к наступлению новой посткантианской, постмодернистской культуры, в которой были бы буквализованы такие ницшеанские метафоры как «истина не открывается а творится», «истина есть подвижная армия метафор» и т. д.

В своем анализе автор указывает, что неклассическое понимание языка говорит о том, что новое – (метафорический или в терминологии Рорти «анормальный» дискурс) – может существовать лишь в соотношении с традицией, как реакция на нее. Субъективное творение метафор – новых истин, интерпретаций и т. д. всегда использует материалы, поставляемые современной культурой и интерсубъективным буквальным дискурсом. Рорти неклассического периода утверждает, что мы не можем придать абсолютного, вне-

контекстуального смысла философским разделением, таким как истина – ложь, интерпретация – репрезентация, творение – открытие истины и т. д. Причины этого состоят в невозможности отыскания нейтрального основания или метаязыка, задающего все возможные способы описания реальности и другие виды использования языка. На этом основании Рорти постмодернистского периода предлагает элиминировать традиционный словарь и ценности рационализма из культуры.

История языка и культуры рассматривается им эволюционно как постоянное уничтожение старых форм новыми – т.е. «история метафор», появление и буквализация которых является результатом случайностей, а не процессом постижения внутренней сущности природы. Рорти позднего периода фактически предлагает буквализовать метафоры «нет ничего вне языка» и «все есть текст». Это приводит его к утверждению о несуществовании онтологических оснований познания и культуры.

Однако представляется, что когнитивная непрозрачность явления еще не позволяет сделать вывод об отсутствии его закономерности. Основное положение самого Рорти в «Зеркале» состоит в том, что хотя любое описание объекта нельзя дать независимо от языковой интерпретации, это не тождественно тезису о том, что не существует независимых от интерпретации объектов, и что реальность есть продукт человеческого духа. Поэтому буквализация тезисов, наподобие «истина не открывается, а творится» (поскольку любая истина есть изначально субъективная метафорическая интерпретация), означает релятивизацию истины даже не к языку и обществу, а к субъекту-творцу. Причем субъект этот является даже не мыслящим, а «субъектом говорящим».

Рорти фактически редуцирует буквальный дискурс к метафорическому, витгенштейновскую интересубъективность к ницшевской субъективности. Так Рорти совершает постмодернистскую диалектическую инверсию к субъективности. Возвращение к пониманию познания как субъективной лингвистической деятельности стало итогом стремления разделять открытие (репрезентацию) истины и творение истины (интерпретацию). Поскольку истина - это изначально метафора, а метафора – продукт субъективной деятель-

ности, то оказывается, что истина – продукт аффектированного и поэтизированного творчества субъекта.

«Поэт» – в общем смысле творец новых слов, языков – объявляется авангардом человеческого вида, а творение новизны, в том числе в языковой сфере – главной ценностью и целью культуры. В таком контексте автору не кажется парадоксальным предлагаемое Т. П. Матяш определение постмодернизма как метафизики новизны. Абсолютизация познавательной картины языка приводит Рорти к практическому (хотя декларирует он другое) впадению в новую форму метафизики. При этом и Рорти и Деррида представляют свое постмодернистское творчество как преодоление метафизики. Однако как предупреждал Хайдеггер, попытки преодоления метафизики будут лишь попытками построения новой метафизики. Таким образом, постмодернизм, путем переворачивания традиционной парадигмы в которой бытие оснований заменяется на небытие, старое на новое, воплощается в «метафизику новизны». Призыв к буквализации ницшеанских метафор угрожает навязыванием культуре перевернутой ценностной парадигмы, в которой в ущерб традиции и первоочередной важности ее трансляции, гипостазирована ценность нового и отсутствие оснований.

Автор утверждает, что эмпирическая концепция истины как результата языкового взаимодействия в рамках культуры не может служить доказательством отсутствия онтологических оснований познания. Антирепрезентационный тезис о конвенциональности истины не может рассматриваться как репрезентирующий ее природу. В нем говорится не больше, чем в тривиальном утверждении о том, что любые наши знания являются результатом познавательной деятельности.

Автор готов согласиться с тем, что сциентистская философия не может больше претендовать на управление остальной культурой, поскольку не может предоставить неизменные стандарты рациональности. Одновременно она избегает рассматривать аксиологическую составляющую культуры как «внепознавательную». Однако это еще не значит, что философия должна отказаться от роли «хранителя рациональности», став внепознавательной, превратившись в литературу, в игру означающих, или вообще должна исчезнуть

из культуры.

Выглядит чрезмерным стремление, ввиду невозможности найти абсолютный критерий верификации истинностных высказываний, вообще отбросить понятия истины, рациональности, детерминизма и т.д. Автор подчеркивает что, констатация невозможности определить, в каком точно смысле рационалистическая аксиоматика традиционной философии является произвольной или необходимой, вовсе не влечет за собой позволения на произвольность постмодернистских построений. Объявить философию некоей ничего не отражающей литературной игрой, как то делают Рорти и Деррида, возможно только в том случае, если придерживаться традиционного позитивистского разделения познавательного и непознавательного дискурсов. Но именно это разделение отрицают и критики традиции, такие как Витгенштейн, Хайдеггер, Гадамер и др. и постмодернисты.

Параграф 3.3. «Культура как феномен лингвистической актуализации возможных интерпретаций реальности». В параграфе проводится сравнительный анализ языкового понимания культуры с позиции неклассической рациональности (в лице герменевтической и экзистенциалистской стратегий), и постмодернизма. Автор фиксирует контраст между нерепрезентационистским, антикантианским пониманием культуры, выраженном в творчестве таких философов как Хайдеггер, Гадамер, Сартр и постмодернизмом, который пытается вывести из их антитрадиционных аргументов возможность отрицания культурных ценностей. Отмечается, что такой вывод не является столь естественным и необходимым каким он представляется например Рорти.

Достигнуть представлений об ограниченности классической рациональности, том, что человек «не имеет сущности», и, следовательно, культура не есть «зеркало», отражающее реальность, (т. е. требования объективности не могут рассматриваться как парадигма культуры), возможно только опираясь на саму рациональность. Любая антитрадиционалистская (в том числе и постмодерн) философия имеет смысл только как оппозиция классической рациональности, как реакция на нее. Поэтому нетрадиционалистские представления должны с необходимостью дополняться традиционным

объективно-ориентированным дискурсом.

Попытка Рорти постнеклассического, постмодернистского периода элиминировать из культуры традиционные рационалистические ценности, следовательно, противоречит той позиции, с которой рационализм был подвергнут критике.

Стремление буквализировать тезис «все есть метафора» не только помещает в ситуацию логического круга, но и своей бессмысленностью приносит культуре вред. Поскольку буквальное использование слова связано с интенцией объективизации и является продуктом интересубъективного консенсуса, то буквализация метафорических обобщений есть попытка навязать обществу консенсус по поводу тезиса о том, что консенсус невозможен.

Представление о познании как функции культурно-языковой деятельности служит Рорти основанием для перехода к утверждению об отсутствии долингвистического сознания и вообще каких-либо реалий, «к которым должен приспособливаться язык». Буквальная антитрадиционных аргументов определяет переход Рорти от позиции неклассической рациональности к метафизическому отождествлению реальности и интерпретации в духе Ницше. Витгенштейн и Хайдеггер рассматривали метафизичность как свойство языка. Данное свойство Рорти связывает с буквализацией. Таким образом, Рорти, как и в целом постмодернизм, приходит к тому, в чем Хайдеггер видел исток метафизики – к отождествлению картины мира (языковой интерпретации) и самого мира.

Параграф 3.4. «Философия культуры как метауровень познания в постнеклассической рациональности» посвящен обсуждению перспектив когерентности культуры и познавательных стратегий в эпоху постнеклассической рациональности и роли философии в ней. Анализируются теоретико-методологические и онтологические принципы постнеклассической парадигмы теории культуры, которая, учитывая критические аргументы неклассической философии, тем не менее, сохраняет приверженность рационалистическим ценностям.

Автор отмечает, что поствитгенштейнианские и в целом постсовременные познавательные стратегии предполагают отказ от попыток эксплицировать онтологическую сущность культуры, как и

самого мира, с точки зрения абсолютного субъекта познания. По мнению В.А. Лекторского, поствитгенштейнианская онтология исходит из совокупности людей, речевых актов, речевых правил и нарративных конвенций. Онтология культуры предстает тогда как феномен актуализации познания в интерсубъективном лингвистическом взаимодействии.

Результат этого взаимодействия, диалога есть наличное бытие, или актуальная онтологическая характеристика мира. Потенциальное бытие есть возможное в будущем содержание этого диалога, которое превращается в актуальное благодаря самому факту его продолжения. Наличная актуализация бытия человека и культуры возможна только благодаря лингвистической деятельности (хотя и не сводится к ней), отражающей статическую (буквальную) и динамическую (метафорическую) стороны языка. В.С. Степин подчеркивает, что без такой деятельности невозможна как трансляция и сохранение культуры так и ее творческое изменение, поскольку культура есть имманентный механизм, хранящий и транслирующий надбиологические программы человеческой деятельности, что возможно только благодаря их закреплению в знаковой форме.

Представления о культуре как познавательной деятельности, актуализирующейся в языке, превращают философию в философию культуры, но не отменяют или отбрасывают ее. Кантианскому представлению о философии как о дисциплине, лежащей в основании культуры, на смену идет представление о ней как о высшей форме культурной деятельности, связующей разные формы дискурса и устанавливающей диалог между различными частями культуры. Парадигма изучения культуры может включать в себя и герменевтический (анормальный), и традиционный эпистемологический (нормальный) дискурсы, рассматриваемые как две стороны познавательного процесса.

Автор не разделяет постмодернистское убеждение в том, что попытки обоснования культуры и рационалистического влияния на нее со стороны познания обязательно должны препятствовать культурному развитию. Обоснование, связанное с нормальным дискурсом, с буквализацией, со структурной актуализацией лингвистической деятельности, есть та основа, в прямом смысле слова

– базис, на котором только и может произрастать все новое, творческое – т.е. аномальный дискурс. Попытка отбросить нормальный дискурс, дискурс обоснования и рационализации, и оставить один лишь аномальный дискурс, является губительным для культуры, понимаемой как лингвистическая деятельность, просто потому, что подрывает условия существования такой деятельности – хранения и трансляции культуры - а значит условия продолжения разговора.

Рассуждения о невозможности и ненужности прямолинейного управления культурой, скрывают тот факт, что разумное регулирование тоже есть часть процесса самоорганизации культуры. Невозможность формулирования алгоритма, априорно предсказывающего и регулирующего культурное становление в его тотальности, еще не означает отсутствие необходимости упорядочивающего влияния на культуру со стороны познания.

В ситуации глобального кризиса нашей эпохи, культура без разума, культура, из которой элиминированы рационалистические ценности, не сможет справиться с угрозами человеческому выживанию.

Классическая парадигма – культура под полным контролем со стороны познавательных институтов – не может быть реализована. Постмодернистская парадигма – культура без всякого контроля, без рациональности – губительна. Сегодня главная задача постнеклассической рациональности видится в том, чтобы разработать такие инструменты координации между культурой и познавательными стратегиями, целью которых было бы обеспечение условий существования человечества.

Поэтому для постнеклассической рациональности и в целом для современной цивилизации императивом должна стать идея когерентного, согласованного развития познания и культуры.

В заключении обобщены результаты исследования, изложены его основные выводы и намечаются пути дальнейшего изучения проблемы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Хомзе А.В. Концепция культуры Ричарда Рорти. // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 3. - 2000. Ростов-н-Д. – с.57-58. (0,3 п.л.).
2. Хомзе А.В. Рационализм как артефакт культуры в философии Р. Рорти. // Материалы III Российского философского конгресса. Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. – т. 2. – Ростов-н-Д. – с. 212. (0,15 п.л.).
3. Хомзе А.В. Культура и языковая интерпретационная деятельность в философии Витгенштейна. // Гуманитарные и социально-экономические науки. № 3. - 2003. Ростов-н-Д. – с.24-25. (0,3 п.л.).
4. Хомзе А.В. Эпистемология и теория динамических систем (проблема последнего обоснования). // Материалы III межвузовской научно-практической конференции. Повышение качества профессионального образования на основе его духовно-этической ориентации. Волгодонск. 2004. – с. 65-67. (0,23 п.л.).
5. Хомзе А.В. Экзистенциалистский подход к познанию, культуре и социализации в философии Р. Рорти. // Материалы IV межвузовской научно-практической конференции. Проблемы модернизации высшего педагогического образования в России. Волгодонск. 2004. – с.65-70 (0,5 п.л.).
6. Хомзе А.В. Коэволюция культуры и познавательных стратегий. // Материалы научно-практической конференции. Модернизация отечественного педагогического образования и проблемы студенчества. Волгодонск. 2006. – с.21-30. (0,6 п.л.).

Подписано к печати 14.02.07.
Объем 1,0 п.л. Тираж 100 экз.